

Восхождение к Утопии, или уроки одного социально-экономического эксперимента

В статье рассмотрены некоторые вопросы существования и развития Крестовоздвиженского Трудового Братства Н. Н. Неплюева. Затронуты вопросы веры, существования единой «души», преодоления греховности, подвиги веры, любви и труда в Братстве.

Ключевые слова: Братство, вера, грех, душа, любовь, труд.

Введение. Журнал «Механизм развития экономики» и ранее уделял внимание анализу уроков одного социально-экономического эксперимента, реализованного на территории Украины – деятельности основанного Н. Н. Неплюевым Крестовоздвиженского Трудового Братства. В данном номере читатель может познакомиться еще с двумя статьями – работой В. Н. Авдасёва и данной статьей, написанной в порядке полемики с упомянутой работой.

Восстановление утерянной социальной памяти народа всегда требует значительного гражданского мужества от тех, кто с этим соприкасается. Во-первых, это связано с изнурительной работой по сбору и обработке затерянной в лабиринтах времени информации. Во-вторых, часто это небезопасно, так как обнаружение добытых данных может вызвать по разным причинам град критики. В-третьих, зачастую знакомство с добываемыми фактами может причинить беспокойство самому исследователю, нарушая привычные представления о добре и зле. В-четвертых, получение дополнительно новых порций информации заставляет порой кардинально изменять уже реконструированную картину исследуемого исторического явления, перечеркивая результаты многих лет напряженного труда.

В свете сказанного, по мнению автора данных строк, то, что совершает директор народного музея «Трудовое братство» В. Н. Авдасёв, имеет все признаки подвига. По крупницам извлекаемые им из информационного небытия факты позволяют нам реконструировать облик уникального исторического явления. Так восстанавливают реставраторы картину по сохранившимся ее фрагментам. Научное кредо Авдасёва-историка отличается предельной принципиальностью в поисках исторической правды, какой бы горькой она ни была.

Отдельных слов заслуживает доклад В. Н. Авдасёва «Коммуна и коммунизм», сделанный на одной из конференций. В нем, излагая факты заключительного (советского) периода существования Братства, он берет на себя смелость жестко критиковать различные стороны жизни своего любимого (и в чем-то выстрадавшего в смысле восстановления реконструированной картины) детища – Трудового Братства. Так иногда артиллерийские разведчики вызывают «огонь на себя» ради достижения благородной цели – победы в сражении. В данном случае цель не менее благородна –

Мельник Леонид Григорьевич, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономики и бизнес-администрирования Сумского государственного университета.

восстановление исторической правды и справедливости в оценках поступков наших (на взгляд автора, великих) соотечественников.

Благодаря восстановленной картине, каждый из нас может увидеть причинно-следственные связи событий почти вековой давности, что является первым шагом к пониманию истории. Как всегда, В. Н. Авдасёв излагает факты с беспощадной объективностью. Эта объективность и определяет высокую историческую ценность всех публикуемых им работ.

Другое дело, что читатель может соглашаться или не соглашаться с выводами и оценками самого Валерия Николаевича. Несколько возражений по указанному поводу рискнет здесь высказать и автор данных строк, ссылаясь на факты, представленные самим же В. Н. Авдасёвым.

1. Сохраненная вера

В статье В. Н. Авдасёва, посвященной советскому периоду существования Братства, прямо и между строк «звучит» упрек братчикам, которые, де, не смогли до конца следовать заветам своего учителя. В частности, Авдасёв пишет: *«Можно сказать, что Неплюеву удалось воспитать в своих братчиках внешние добродетели, привить им навыки высоконравственной жизни. А внутренние добродетели веры – смирение, любовь, кротость, послушание... молитву – при всем понимании блюстителем их важности, – привить оказалось невозможным. Видимо, поэтому процент братчиков, сохранивших в советское время веру и церковность не превышал процента верующих в окружающем обществе. Эти факты требуют осмысления. Они требуют ответа на вопрос: каковы же причины конформизма большей половины участников Братства, утраты веры столь многими братчиками и забвения своей «первой любви»?*

Сначала попытаемся ответить на ряд вопросов, ответы на которые, на наш взгляд, лежат на поверхности. Вполне возможно, процент братчиков, сохранивших в советское время церковность, не превышал процента верующих в окружающем обществе по очень банальной причине: реализовывать эту самую церковность было негде. Даже в Воздвиженске церковь, как свидетельствует Авдасёв, была закрыта уже в 1925 году. Что же говорить о других местах, куда судьба разбросала братчиков до и после 1929 года! Как мы знаем из истории, во многих деревнях и поселках местное население само с воодушевлением проявляло инициативу в закрытии и разрушении церквей. Зачем же бывшим братчикам «высовываться» и пытаться устанавливать «свой устав в чужом монастыре»? Тем более, что смирение (в самом благородном понимании этого слова) и неагрессивное поведение к поступкам других им, видимо, все-таки удалось привить. Я уже не говорю о том, что с ярлыком «контрреволюционеров» бывшие братчики часто старались вообще не признаваться о своей прошлой принадлежности к Братству. Это было небезопасно, прежде всего для их детей (Черненко, 2005). У кого повернется язык осуждать братчиков за такое поведение, не зная конкретных обстоятельств их поступков.

Вера вообще является очень интимной и личностной вещью, ощущаемой человеком исключительно наедине с самим собой. Вряд ли уместно говорить о статистических оценках доли верующих в различных социальных группах, особенно в периоды гонения на церковь и верующих. Большинство верующих старались не афишировать свой статус по нескольким причинам. Во-первых, это было не безопасно (как мы знаем, верующих очень часто просто выгоняли с работы или учебного заведения за их религиозный статус), во-вторых, многие считают неэтичным внешне проявлять свои религиозные

чувства в атеистической среде, противопоставляя себя окружающим, в-третьих, присутствовало желание не причинить вред сопричастным людям. Например, в период позднего Советского Союза (1960-1980-е годы) многие люди подпольно крестили своих детей, в том числе и из соображений не доставлять неприятностей священникам.

Следуя предложению В. Н. Авдасёва попытаемся глубже осмыслить имеющиеся факты последнего периода существования общины. Он, на наш взгляд, является знаковым, так как позволяет оценить многие стороны жизни и деятельности Братства.

2. Еще раз о «душе» Братства

Прежде, чем двинуться дальше, автору хотелось бы поделиться с читателем рядом соображений. Судьба любого социального образования (организации, поселения, страны) реализуется через поступки людей, которые здесь живут и трудятся. Однако любое сообщество – это всегда система, т.е. *целое, которое больше суммы отдельных личностей, образующих это целое*. Это целое становится некой субъективной сущностью, которая через свои наработанные годами институциональные особенности, созданные здесь обычаи и традиции сама начинает влиять на поступки людей.

Выражаясь образно, можно сказать, что у Братства была собственная коллективная душа, которая по-своему определяла его облик, отбирала нужных ему людей, формировала направления деятельности и характер поступков личностей.

В формировании этой удивительной и в чем-то мистической сущности, которая условно может быть названа «душой Неплюевского Братства» участвовали своими поступками, мыслями, идеями, решениями (принятыми когда-то) и, конечно, своими характерами сотни людей. Часто, уйдя из Братства, а может, и вообще из жизни, они продолжали действовать, активно влияя на его жизнь квантами своей духовной энергии или битами накопленной в его социальной памяти информации (читатель выберет тот тезис, который ближе статусу его вероисповедования). А может быть, и тем, и другим вместе взятыми. Во всяком случае, нет сомнения, что мощный духовный потенциал Неплюева продолжал определять судьбу своего детища десятилетия спустя ухода из жизни основателя Братства. Так же, как продолжает влиять на судьбу ныне живущих людей светлый образ самого Братства, затягивая в свою орбиту десятки людей, ранее не имевших к нему ни малейшего отношения (здесь автор имеет ввиду прежде всего директора музея Братства Авдасёва и самого себя).

Примечание

Очень хочется, чтобы, обсуждая поступки отдельных людей, так или иначе имевших отношение к Братству, мы не утратили целостного взгляда на него как единый социальный организм. Чтобы за отдельными событиями разглядели главное, характерное, закономерное и отсеяли второстепенное, несущественное, случайное. Эта единая социальная (в чем-то даже личностная) сущность, как и отдельные люди, также имела право совершать какие-то ошибки, грешить и каяться через поступки своих людей. Однако ошибки и грехи эти несоизмеримы с величием того подвига, который совершило Братство руками, умами и душами своих детей и одновременно своих создателей. Главным результатом этого подвига явилась революция в самом человеке, когда *материальное, биологическое* в нем из первичного и доминирующего превратилось во вторичное и вспомогательное, уступив место *духовному и личностному*.

Эта революция произошла и в каждом отдельном братчике (единичные исключения, в которых еще надо разбираться, только подтверждают общее правило). Внутреннее озарение духовной личности, победившей в человеке бремя его материального начала навсегда оставляло след и на его внешнем облике.

Глазами очевидца

Зоя Дмитриевна Марченко, чей отец был хорошо знаком с Н. Н. Неплюевым, и которая, живя в Ямполе, в детстве часто бывала в Воздвиженске пишет: «Устав Братства, выработанный самим Н.Н. Неплюевым, строг: работа, поведение, быт – все подчинено догмам христианского учения... Работа тяжелая... Некоторые молодые не выдерживают и уходят... Но печать особого поведения, скромности, достоинства, христианского воззрения они несут с собой везде» (Марченко, 1999).

Говорят, даже многие годы спустя бывших братчиков безошибочно выделяли среди окружающих по их внутреннему свету и достоинству, которое они сохраняли в любой ситуации. Односельчане лишь шептали вслед, точно признавая за ними какую-то непостижимую тайну: «То ж братчик пішов!».

И кто знает, чего больше было в этом шепоте: плохо скрываемого любопытства, изумления или признания чужого превосходства. Будто перед ними прошел не скромно одетый их же односельчанин, а представитель инопланетной цивилизации или пришелец из иного измерения. В Братстве, словно действовала мистическая «зона», «зона» любви, преображавшая всех, кто в нее попадал.

Можно с уверенностью сказать, что через все испытания, выпавшие на долю Братства, оно прошло с удивительным достоинством. Сегодня, когда через пелену времени начинают проступать контуры событий последних лет жизни Братства, уходят все сомнения, что *единственной* (!) причиной его смерти был внешний фактор.

При том всплеске энтропийности внешней среды, который случился с приходом власти большевиков, при той агрессии не просто неверующего большинства, но *воинствующего атеизма* (как называли себя сами власти), при легализации бандитских лозунгов для целей гражданского строительства (взять хотя бы: «Грабь награбленное!» или «Цель оправдывает средства!») бессмысленно искать какие-либо внутренние причины прекращения существования Братства. Это то же самое, что всерьез задумываться над вопросом, почему остыл стакан чая, поставленный в холодильник, или растаял кусочек льда, помещенный в печку. Братство было обречено. Стоял лишь вопрос о времени его убийства. И впору задуматься над иным вопросом: как Братство под таким прессом вообще могло дожить аж до 1929 года?!

Именно сейчас, когда становятся известны подробности последних дней существования Братства и жизни братчиков после его разгона, можно с уверенностью сказать, что братчики не нуждаются ни в оправданиях, ни в снисхождении. Возможно, не тогда – в периоды своего звездного часа успехов и побед – а в последние, трагически шемящие годы существования Братства и дни его восхождения на свою собственную Голгофу, братчикам было суждено проявить свои лучшие качества, завещанные учителем. Чтобы это понять, достаточно лишь внимательно взглянуть в факты.

3. Восхождение через преодоление греховности

Меньше всего автору хотелось бы, чтобы Братство превращалось в миф или икону. Оно создавалось грешными людьми, рождаясь в муках их грехов и ошибок. Ни сам Неплюев, ни в большинстве своем братчики никогда не считали себя безгрешными святошами, «хранителями «царства истины» и «Божьей благодати», как об этом пытаются сегодня писать некоторые историки (Ткаченко, 2011).

Более того, тема греха и связанного с ним покаяния проходит «красной нитью» во всем философском творчестве Неплюева. Под влиянием наставника это находило отражение в ежедневных молитвах и поступках братчиков. В одном из пунктов

«Руководящих правил Братства» читаем: «Очиститься можно только смирением покаяния, искренне осознав и осудив зло в себе, не только отметкой ума, но и живым чувством ужаса и отвращения ко злу, жаждой правды и добра, горячим порывом души к Богу с мольбой очистить от зла и дать силы на добро» (Руководящие правила, 2011).

Моральный подвиг Неплюева, Братства и братчиков состоит не в их непогрешимости, а в постоянном, истовом и неуклонном стремлении преодоления греха, в поиске истины и самосовершенствовании.

Неплюева, Братство и братчиков всегда критиковали и продолжают прямо или косвенно упрекать за их прегрешения. Но право же, чем больше знакомишься с примерами таких «греховных деяний», тем больше хочется «снять шляпу» перед братчиками. Попытаемся пробежаться по наиболее часто упоминающимся в литературе «грехам» братчиков, дав свои комментарии.

Подробности

➤ «Неплюев, выбранный Блюстителем Братства, позволяет себе диктаторские нотки» (Марченко, 1999).

Не следует забывать, что Неплюев вынужден был выполнять множество функций. Одной (всего лишь одной) из многих была функция строгого отца семейства. Сколько отцов воспитывает своих детей «ремнем» в самом буквальном смысле этого слова! Кстати, Неплюев был принципиальным противником физического наказания детей, отдавая предпочтение методам позитивной мотивации. Неплюев вынужден был также выполнять функции жесткого менеджера, ведя свою собственную, никому неведомую до поры, до времени, линию экономической политики (и как показало будущее, почти всегда оказывался прав). Однако большинство братчиков, выросших в Братстве, почему-то больше помнят Неплюева как доброго и любящего папу-Колю (он был крестным отцом всех рождающихся мальчиков).

➤ «Невозмутимо смотрела община и на окружающее повальное пьянство, вплоть до того, что на территории братского хутора разрешалось существование винокурен. Неплюев совсем не смущался, когда его прекраснодушным разговорам о трезвости звонко вторили свистки его собственных водочных заводов» (Ткаченко, 2011).

Было бы неплохо для начала, чтобы кто-либо из читателей победил порок пьянства хотя бы у одного (!) из своих соседей или знакомых. Кстати, продукция братских спиртзаводов поставлялась в Шостку на казенный завод для производства пороха, использовалась и в других отраслях быстро набиравшей обороты промышленности. Что же касается производства вина, то сами братчики (по свидетельству А. С. Пакратова, Панкратов, 1911) его употребляли, но умудрялись употреблять так, что большинство приезжающих гостей в один голос утверждали, что братчики вообще не пьют и не курят.

В свете сказанного уместно задуматься над двумя обстоятельствами. Во-первых, укорять в производстве вина – это почти то же, что обвинять производителей сахара в распространении сахарного диабета, а производителей клея – в нездоровом пристрастии к его нюханию. Во-вторых, может ли читатель представить село, с населением в 600-700 человек (причем в любые периоды истории нашего отечества), в котором бы вообще не существовало (ни в каком виде) проблемы с курением и употреблением спиртного (при том, что в принципе оно не возбранялось, т.е. было вполне доступным).

➤ «В 1918 г. два юных члена Братства (Иван и Семен Шаповалы) тайком ушли добровольцами в Красную Армию. В 1927 г. «партячейка «артели» насчитывала уже 35 человек, из них 4 братчика. Около десяти юных братчиков вступили в комсомол» (Авдасёв, 2012).

Это при населении-то братчиков в 600-700 человек (!) Больше половины царских офицеров добровольно пошли на службу в Красную Армию. Причем большинство из них сделали это сознательно, добровольно и вполне искренне. Очень трудно было не

поддаться очаровывающему искушению «борьбы за свободу трудящихся и народную власть». Тем более, что объективно было, с чем бороться в стране агонизирующей монархии, воюющей неизвестно за что целых четыре года.

➤ *Секретарь братской думы и бывший личный секретарь Неплюева В. М. Поправко, как свидетельствуют архивные документы, «с начала революции... призывал всю массу артели стать на сторону советской власти». Его сын Николай Поправко вступил в комсомол и работал секретарем в соседнем селе Гирино. Старейший член Братства Ф. Е. Чвертка «проявил себя вполне сторонником советской власти» (Авдасёв, 2012).*

Это сегодня вроде бы как-то не ко времени стало сочувствовать советской власти и коммунистической идее. А тогда у нее было очень много вполне искренних сторонников. Да, и то сказать: практически предлагалось принципы, на которых строилось Братство, распространить на всю страну. Более того, управляющий делами Совета народных комиссаров В.Д. Бонч-Бруевич, используя старые материалы (статью за 1914 г.) именно о Неплюевском Братстве, подготовил воззвание «К сектантам и старообрядцам, живущим в России и за границей» с предложением содействия для реализации на конфискованных у помещиков землях «творчества новых форм жизни». Опубликовано оно было, в 1921 году, когда стали формироваться предпосылки для внедрения в стране НЭПа, практически возвращавшего рыночные основы хозяйствования (Авдасёв, 2012). Впрочем, очень скоро советская власть изменила свое отношение к общинам, созданным на религиозной основе. Если с утратой монополии на собственность большевики до 1929 года еще могли мириться, то к конкуренции в идеологической сфере они были непримиримы. Религия у всех должна была быть одной единственной – коммунистической.

➤ *«В этот период некоторые члены Братства стали сотрудничать с новой властью и работали инструкторами по организации коммун в Черниговской и Киевской губерниях. Так, в конце февраля 1919 г. в Гоголевском районе под Киевом в имении помещика Вишневого во вновь организованной сельхозкоммуне, инструктором от Черниговского губернского земотдела работал член братства Волк Тимофей Иванович. Районным инструктором по садоводству был также братчик Федор Коротченко.*

В это же время 19-летний Владимир Цвелодуб, племянник члена думы И. А. Цвелодуба, как следует из его автобиографии, написанной около 1960 года, – работал агрономом в Черниговском губернском земельном отделе по национализации помещичьих садов и передаче их трудящимся. В близлежащем селе Шатрици им на основании декрета СНК была оформлена национализация земель помещиков Кончи, Вронского и Иванова. В с. Каменка был передан населению сад помещика Терещенко(б). Действия молодых братчиков полностью противоречили наставлению Н. Н. Неплюева: «Всякое насилие в области права собственности является ...посягательством на свободу личности... Отказ от собственности может быть только добровольным» (Авдасёв, 2012).

Сомневаюсь, что 19-летний Владимир Цвелодуб и его юные соратники успели глубоко познакомиться с философским наследием Неплюева по части «насилия в области права собственности». Вряд ли доводилось им хотя бы фрагментарно читать и «Деяния апостолов», где, например, говорится: «никто ничего из имения не называл своим, но все у них было общее». Однако одно можно сказать вполне определенно: им не могли не вскружить голову лозунги на кумачевых стягах, заполонивших все пространство вокруг и призывающих к «Свободе, равенству и БРАТСТВУ!» – т.е. фактически к тому, чтобы строить жизнь на основе христианских идеалов, которые они впитали с детства.

Ну что ж, в 1919–1921 годах еще многие верили в светлые коммунистические горизонты, которые несла советская власть... Еще где-то далеко впереди были 1925 г., принесший арест лидеров Братства и выселение десятков его членов, 1929 г., «сломавший хребет» трудовому крестьянству, и 1933 г., удавивший искусственным голодомором миллионы жителей Украины (где люди в принципе не могут умирать от голода в любой неурожай. При таком обилии растущей и бегущей снеди даже теоретически нельзя представить одновременное исчезновение продуктов на полях и в лесах).

А разве меняет дело, если кто-то из вступивших в партячейку (4 человека) или в комсомол (10 человек) сделал это из страха, а может, банального желания выжить или прокормить семью. Глядя на потоки «тушек» в современной Верховной Раде Украины и советах других уровней, как мы можем в чем-то упрекать братчиков, возможно, стоявших на краю безысходности? При том, что первые не устают называть себя «элитой», а для вторых привычным делом было каждодневное покаяние.

Говоря о заблуждениях или осознанных целенаправленных поступках отдельных братчиков не следует забывать, что социалистическая идея, которую реализовал в Советском Союзе Сталин, имела и свои альтернативы – без крови, миллионов жертв, жестоких социальных потрясений и разрушения социально-генетического кода нации (ее социальной памяти). В этом убеждает опыт многих европейских стран (Швеции, Франции, Финляндии, Норвегии, Дании, Нидерландов, Бельгии и др.). И не вина, а скорее, трагедия тысяч и миллионов коммунаров, оказавшихся обманутыми в своих мечтах о светлом будущем и всеобщем счастье. Многие отдали за это свои жизни.

И все же уместно напомнить, что большинство (!) бывших братчиков не поверили новой власти и не поддались ее искушению. «Более консервативная часть из них, – как говорится в судебном решении, – продолжает проводить порядки, которые были в Братстве» (Авдасёв, 2012).

Говоря о Братстве, не следует забывать, что оно складывалось из сотен своих членов, и каждому предстояло совершить свой собственный подвиг, проделав путь от маленького человечика, полного нерешительности, незнания, страхов (а возможно, и комплексов) до полноценного, уверенного в себе, знающего и умеющего братчика. Это был также подвиг воспитателей (Неплюева, родителей, наставников из старшего или младшего кружков). Никто не гарантировал, что два подвига, сложенные вместе, обязательно принесут успех. И поражений на этом пути случалось, увы, более, чем предостаточно.

Три подвига братчиков (Вместо заключения)

Во многих воспоминаниях упоминается, что Неплюев призывал своих воспитанников осуществить в жизни три подвига: веры, любви и труда.

Подвиг веры. В «Руководящих правилах в Братстве и школах его» есть такая фраза: «Ходить (жить) верой» – значит всеми силами души стремиться от того, что есть, к тому, что быть должно, согласно вере в Бога; и в людях любить и уважать мысль Творца и интересоваться более добром, которое вечно, а не злом, которое в них видим» (Руководящие правила, 2011).

Как видим, подвиг веры лишь начинается с порога церкви и молитвы, но ими, отнюдь, не ограничивается. Совершать подвиг веры – значит творить замысел Творца на земле – *«стремиться от того, что есть к тому, что быть должно...»*.

Свой подвиг веры творили сотни братчиков как в самом Братстве, так и за его пределами, живя своей собственной жизнью и творя эту жизнь.

Совершили свой подвиг веры братчики и непосредственно в религиозной сфере (причем, как все вместе, так и по отдельности). До самого последнего дня существования Братства в нем осуществлялась религиозная практика, что в конечном итоге стало причиной принятия решений советских властей об окончательной «зачистке» Воздвиженска от братчиков.

Подвиг любви. Подвиг веры неразрывно связан с подвигом любви. В понятие подвиг любви Неплюев, по всей вероятности, вкладывал особое содержание. Вот как оно трактуется в уже упоминавшихся «Руководящих правилах...». «Подвиг любви –

оставаться устойчиво любящим, кротким и великодушным по отношению к людям нас обижающим. Дело любви в жизни не променять ни на какое другое дело при самых трудных обстоятельствах» (Руководящие, 2011). Вся жизнь Братства – это бесконечная симфония, состоящая из подвигов любви, которые совершали братчики. Однако заключительный аккорд в ней, по всей вероятности, был поставлен в финале самого существования Братства.

Примечание

Пусть читатель мысленно перенесется в чарующий, выстраданный трудом мир Воздвиженской обители, где каждое дерево и каждый кустик был выращен с любовью. Где проходили детские годы в окружении любящих родителей, воспитателей, учителей и друзей. Где за всю жизнь человек мог ни разу не услышать орущих друг на друга людей.

Е. С. Черненко (дочь С. Ф. Черненко) вспоминает: «Мне выпало первые 8 лет жить в последний период существования Трудового Братства... Запомнились елки на Рождество и наши детские выступления, красочные праздники Пасхи, Троицы... Все очень тепло и по-доброму относились к детям» (Черненко, 2005).

Внешний вид всего Воздвиженска поражал приезжих чистотой, аккуратностью и красотой. Вдоль домов были проложены деревянные тротуары. Вокруг домов пышно цвели сирень, черемуха, жасмин, пионы и другие цветы. Никто их не рвал, не топтал. Дома и комнаты в них не запирались. Честность в Братстве была необыкновенная. Воровство отсутствовало. Отмечались дни рождения не только взрослых, но и детей. Жизнь в Братстве во многом была удивительной (Там же).

И вдруг этот сказочный и столь милый сердцу с детства мир начинает рушиться ворвавшаяся агрессивная, матерящаяся, ворующая все, что плохо лежит, орда. Уничтожены балконы, веранды и террасы домов, где любили собираться братчики и играть их дети. Уничтожены сказочные садовые беседки. Кошунственно разграблена и закрыта церковь. Выкорчеван окружавший церковь дендропарк. По доносам соседей еженедельно выселяют из Братства, а то и арестовывают кого-то из ваших знакомых, близких или друзей...

Эту картину хочется закончить поразительно лаконичной и пронзительной фразой из статьи В.Н. Авдасёва (которая по силе звучания, пожалуй, приближается к пушкинской фразе в финале «Бориса Годунова»: «народ безмолвствует»...): «ПРОТИВОСТОЯНИЙ И КОНФЛИКТОВ МЕЖДУ БРАТЧИКАМИ И ПРИЕЗЖИМИ НЕ БЫЛО...» (Авдасёв, 2012).

...И почти наверняка, каждый из братчиков повторял про себя в эти дни, полные душевной боли, слова Христа, сказанные на Голгофе: «Прости им, Господи, – не ведают, что творят!»

Подвиг труда. У нас есть основания говорить предметно и об этой составляющей подвига братчиков, опираясь на пункты уже упомянутых выше «Руководящих правил...»

Прикасаясь к первоисточнику

Подвиг труда – с любовью принять на себя труд самый тяжелый и приятный, никакой труд не считать ниже своего достоинства. Не искать для себя труда выгодного, почетного и приятного, взваливая на ближнего труд дешевый, презираемый и тяжелый (Руководящие, 2011).

Лучшей иллюстрацией реализации этого подвига является весь жизненный путь Братства. И все же обратимся еще к одному примеру.

Подробности

Житель г. Глухова, а ныне краевед, Игорь Сбитный в газетной заметке вспоминает один из эпизодов своей жизни, относящийся к 1948 году. Он был свидетелем сбора урожая в Воздвиженском саду, где работали бывшие братчики. «Такой организации труда, – пишет он, – я не видел ни в одном саду. Весь урожай собирался со стремянок съемниками на шестах и укладывался в корзины, обшитые внутри мешковиной. Плоды ссыпали в бурты, имеющие настил из соломы. Работница, принося корзину, не высыпала яблоки, а выкладывала каждое по отдельности. Сказывались навыки, привитые годами. И это всё за трудодень!» (Сбитный, 2009).

Похоже, из всех удивительных вещей, увиденных автором заметки в Воздвиженском саду, больше всего его изумило то, о чем он пишет в заключительной части приведенного фрагмента. И причину подобного удивления можно понять. Увиденное, видимо, изумило бы большинство всех тех, кто вырос в стране победившего социализма и продолжающих жить в стране развивающегося капитализма. Современному читателю, видимо, трудно понять, как можно так работать за один (!) трудодень (это всего несколько копеек, выплачиваемых в течение одного полного дня работы)? А главное – зачем? Но, возможно, в этом и есть квинтэссенция *подвига труда* братчиков. По-другому они в принципе не умели относиться к труду. Как не умели увязывать качество труда с размером его оплаты. Иными словами, что-то сознательно делать хуже, если за это платят меньше.

1. *Авдасёв В. Н.* Об истории Воздвиженского Трудового Братства в советский период / В. Н. Авдасёв // Механізми регулювання економіки. – 2012. – № 2. – С. 26–36.
2. *Избранные сочинения Н. Н. Неплюева.* Книга I. – Сумы : Фолигрант, 2011. – 288 с.
3. *Марченко З. Д.* Семнадцать лет на островах ГУЛАГа / З. Д. Марченко. – М. : Возвращение, 1999. – 106 с.
4. *Руководящие правила* в Братстве и школах его // Избранные сочинения Н. Н. Неплюева. Книга I. – Сумы : Фолигрант, 2011. – С. 154–217.
5. *Сбитный И.* Фруктовый сад Крестовоздвиженского трудового братства / И. Сбитный // Соборный майдан. – 2009. – № 1 (31). – С. 3.
6. *Ткаченко В. В.* Предисловие // Избранные сочинения Н. Н. Неплюева / В. В. Ткаченко. – Сумы : Фолигрант, 2011. – С. 3–25.
7. *Черненко Е. С.* Из истории отечественной педагогики. Н. Н. Неплюев и его школа / Е. С. Черненко. – Мичуринск : МГПИ, 2005. – 70 с.
8. *Панкратов А. С.* Неплюевское Братство / А. С. Панкратов // Ищущие Бога: Очерки современных религиозных исканий и настроений ; в 2 кн., М., 1911, кн. 2. – С. 109–122. // Приводится по книге: Авдасёв В. Н. Свет памяти: Н. Н. Неплюев в воспоминаниях современников». – К. : Фолигрант, 2008. – С. 77–88.

Получено 02.04.2012 г.

Л. Г. Мельник

Сходження до Утопії, або уроки одного соціально-економічного експерименту

У статті розглянуті деякі питання існування і розвитку Хрестовоздвиженського Трудового Братства М. М. Неплюєва. Порушені питання віри, існування єдиної «душі», подолання гріховності, подвиги віри, любові і праці у Братстві.

Ключові слова: Братство, віра, гріх, душа, любов, праця.

L. G. Melnyk

Climbing to Utopia or the lessons of one socio-economic experiment

The paper considers some of the issues of the existence and development of the Krestovozdvizhensk labour brotherhood of N. Nepluiev. The issues of faith, the existence of a single "soul", sin overcome, an act of faith, love and work in the Brotherhood are considered.

Keywords: Brotherhood, faith, sin, soul, love, work.